

Осень в Лондоне пахла влагой и далёкими ко-
страми.

Но в отдельно взятом дворе всё перебивал све-
жий запах краски. Маленькую спортивную площад-
ку с баскетбольными кольцами с трёх сторон ого-
раживал забор. Такой же старый и хлипкий, как всё
здесь. С четвёртой громоздилось здание из облупив-
шихся кирпичей.

Оно служило полем для активной деятельности
уличных художников. Всю стену украшали разно-
мастные граффити, хотя больше всего внимание
привлекал портрет Гомера Симпсона с выражением
величайшего скепсиса на жёлтом лице.

На резиновом покрытии площадки лежали вещи
и расселись две девушки в качестве зрителей. Тут же
пристроилась маленькая переносная колонка с под-
соединённым мобильником, она слегка вибрировала
от приглушённых ритмичных звуков индастриала.

Пританцовывая под них, юноша вырисовывал
контур анатомического сердца. Короткие, резкие
движения, и краска из баллончика ложилась на не-
ровные кирпичи стены.

Нижнюю часть лица парня закрывал респиратор, в брови поблёскивала капелька пирсинга, множество серёг украшали одно ухо. Тёмные волосы небрежно растрёпаны, густые, ниспадающие на выбритый затылок.

Фланелевая рубашка поверх футболки и джинсы, уже испачканные краской.

Марта, конечно же, беззастенчиво пялилась. Только из-за него она тут и задержалась: Артемида уже ушла, а парень хотел закончить рисунок. Он не так часто к ним присоединялся, чтобы Марта позволила себе упустить такой шанс.

Он называл себя Анубисом, и она уже прочитала в Википедии всё, что нашла о египетской мифологии, слегка удивившись такому выбору имени. Но звучало впечатляюще и пафосно. Марта знала, что Анубис, как и Артемида, не из Лондона, они приехали сюда недавно. Арти обожала граффити, так они и познакомились с Мартой, она делала неплохие скетчи и частенько тусовалась с художниками.

По правде говоря, Марте тоже пора домой: смеркалось, а ей добираться в другую часть города. Но Марта надеялась пообщаться с Анубисом.

Увы, он слишком увлёкся рисованием и не обращал внимания на сидящих девушек.

Марта покосилась на Эбби. Та устроилась рядом, скрестив ноги и двигая головой в такт музыке, явно наслаждалась происходящим. Даже в закатном свете отчётливо виднелись её выкрашенные в розовый кончики светлых волос.

Эбби надела свитер горчичного цвета, слишком большой, как будто не её. Поверх накинула кожаную куртку Анубиса, когда стало холодно. Смотря на это, Марта ничего не могла с собой поделать: она отчаянно завидовала. А ведь эта кожа наверняка пахнет его сигаретами, может, даже в карманах

завалились забытые бумажки, которые он теребил пальцами.

— А ты его девушка? — не выдержав, спросила Марта. Она должна знать! Тем более не видела Эбби раньше.

Та, кажется, удивилась. Нахмурилась и совершенно раздражающе надула пузырь из жвачки.

— Нет, — наконец выдала Эбби, и за такое Марта всё простила. — Если я правильно понимаю, что ты спрашиваешь, то нет. Наверное, я девушка его друга.

Тогда понятно, почему они сегодня вместе. Марта тихонько, с удовлетворением, улыбнулась и снова покосилась на Анубиса: он стоял достаточно далеко, чтобы не слышать разговора. Ещё и музыка.

— Он уехал, — поделилась Эбби, явно имея в виду этого друга. — Пару недель назад сказал, что у него важные дела. Я знаю, он попросил присматривать за мной. А сам даже не писал...

Меньше всего Марту интересовал какой-то парень, о котором она ничего не знала, хотя это явно занимало мысли Эбби. Она достала из рюкзака термос и открутила крышку, налила чай.

Марта решила выяснить интересующие её вопросы:

— А есть? Девушка. У Анубиса.

Нахмурившись, Эбби выпила чаю и передала термос Марте. Снова пожала плечами:

— Наверное, это то, что вы называете «всё сложно».

Чай на вкус оказался кисловатым, с едва уловимым оттенком сушёных яблок. Марта перекаtywала его во рту, прикидывая, что «всё сложно» — это куда лучше однозначного «да».

В сгущающихся сумерках жесты Анубиса иногда смазывались, он сам словно перетекал из одной точки в другую. Тьма за его спиной в некоторые мгно-

вения ощущалась почти живой. Разворачивающей крылья, от которых веяло чем-то замогильным.

— Впечатляет, — пробормотала Марта.

Эбби рассмеялась:

— Он же бог.

— Ну да. Это многое объясняет.

Марта решила продолжить игру и посмотрела на Эбби:

— А ты?

— О нет. Я древнее чудовище Апоп. Но можешь называть меня Эбби.

В это время Анубис как раз закончил. Сделав пару шагов назад, он нахмурился и склонил голову, рассматривая получившийся рисунок. Развернувшись, подошёл к сидевшим и кинул баллончик в раскрытый рюкзак. Стянул вниз респиратор, так что стал виден пирсинг в носу и губе.

— На сегодня хватит.

Он плюхнулся рядом с Мартой, перехватил термос, но не стал аккуратно наливать чай в крышку, а сделал несколько глотков прямо так.

— Я на мотоцикле, могу кого-то подбросить.

В этот момент Марта ненавидела Эбби. А какой мог быть шанс! Но Эбби поднялась, разминая ноги:

— Ой, я лучше пройду до дома. Там всё равно скучно, никого нет.

— Хорошо. А ты?

Марте потребовалась вся её выдержка, чтобы не завопить от восторга, а сдержанно кивнуть. Только когда Эбби ушла и совершенно точно не могла помешать этому путешествию, Марта поинтересовалась:

— Она тут рядом живёт? Не страшно ей в темноте?

Анубис глянул так, словно Марта спросила что-то ужасно странное. А потом рассмеялся, легко, непринуждённо.

— Нет, — наконец сказал Анубис. — Ей нормально в темноте. Эбби может о себе позаботиться.

Марта прикусила язык, чтобы не сказать: ну, конечно, если она и правда древний змей Апоп, который спит во мраке, чтобы поглотить солнце, чего ей бояться?

Персефона в подмоге не нуждалась. И всё-таки беспокойно барабанила пальцами по барной стойке, ожидая Нефтиду. Затягивать с их делом не хотелось.

В клубе Сета, как обычно по вечерам, толкалось много народа. У стойки очередь, столики заняты, кто-то уже зажигал на танцполе. Лучи света и неоновые росчерки дёргались нервно, словно пытались успеть за электронной музыкой.

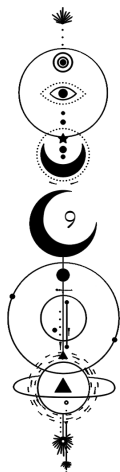
Над плей-листом явно давно не работал Анубис.

Персефона ощущала, что в клубе помимо людей полно богов из разных пантеонов. Их сила, даже сдерживаемая, разливалась в воздухе маслом. Тягучее, вязкое ощущение. Сама Персефона контролировала себя, так что ничем не отличалась от простых людей.

Никто бы не сказал, что ещё пару часов назад она была в Подземном мире и её голову венчала корона из костей и цветов. Богиня весны и королева мертвецов.

По крайней мере, именно это она себе напоминала и храбрилась перед грядущим делом. Но к тому моменту, когда наконец-то пришла подруга, Персефона ощущала одно лишь раздражение.

Нефтида явилась в облаке ароматов восточных благовоний. Высокие каблуки и короткое платье сплошь из золотистых блёсток. Многочисленные браслеты, густо подведённые глаза и тёмные волосы, длинные и без украшений.

Бармен приветственно кивнул ей. Он знал, что Нефтида — жена Сета, который владеет этим местом.

— Очаровательный, пусть и человек, — сказала Нефтида, имея в виду бармена. — Но справляется. Идём?

— Я заждалась.

— Ой, да ладно! Я тебя всю неделю ждала.

Персефона не нашла что возразить. В последнее время они с Гадесом почти всё время проводили в Подземном мире, устроив себе очередной «медовый месяц». Персефоне стало стыдно. Чутьочку.

Подвинув стакан подруги, Нефтида понюхала и скривилась:

— Гранатовый сок? Ты неисправима, Сеф.

— Просто люблю его.

— Ага, ещё скажи, он не напоминает тебе Подземный мир.

Персефона сочла за лучшее промолчать. Она перехватила стакан и допила сок. Кивнула на платье Нефтиды:

— А ты снова в золотом.

— Мы все созданы из золота и тьмы.

Персефона спрыгнула с высокого барного стула:

— Пошли уже!

Скользящие лучи света отражались от блёсток на платье Нефтиды, когда она первой зашагала к ВИП-зоне. Смотря на неё, Персефона ощущала себя вечной школьницей, в клетчатой юбке, водолазке и туфлях на плоской подошве.

Ну хоть ленты в волосы не повязала. Персефона почти физически ощущала, как сквозь её рыжие локоны проходят токи, ведущие к Подземному миру и одновременно к росткам в земле.

Над украшением клуба поработала сама Нефтида, Сет был далёк от подобных вещей. По перилам

лестницы висела искусственная веточка с жёлтыми листьями, в углах уже примостились рыжие тыквы, а у барной стойки стояла плетёная корзина с яблоками для всех желающих.

Музыка била по ушам, впивалась в кожу, и Персефона торопилась за Нефтидой, которая ориентировалась тут гораздо лучше. Так что сразу и без труда вывела к одному из столиков у стены, где их ожидали.

Персефона и Нефтида уселись рядом, обе напротив их собеседника. Он не прятался в тени, не пытался казаться загадочным, хотя и на местного не тянул при всём воображении. Смуглый, темноволосый, закутанный в какие-то невообразимые цветастые шарфы. Он явно мёрз в местном климате и не пытался этого скрыть.

— Долго, — с раздражением сказал мужчина.

Он обхватил стоявший перед ним стакан с наверняка остывшим глинтвейном. Персефона ощутила вязкую силу, такую непривычную, непохожую на то, что обычно её окружало. Кончики пальцев закололо, как будто рядом огонь или она запустила руку в ещё тёплую золу.

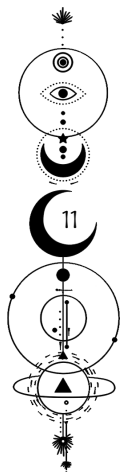
Персефона могла поспорить на что угодно, глинтвейн под рукой незнакомца снова стал горячим.

Он не представлялся, но Персефона знала, что перед ними один из ракшасов — не совсем бог, но и не человек, существо с Востока, обладающее не большой силой.

А ещё они отличались первоклассной способностью добывать информацию.

— Не тяни, — резко сказала Нефтида.

В VIP-зоне музыка звучала приглушённо, так что не услышать Неф было невозможно. Пусть ракшас пытался не показывать опасений, но Персефона видела, как тот едва уловимо сжался, напрягся, не сводя тёмного взгляда с Нефтиды.

Она не была мощной богиней, но повелевала тайнами и тёмными сторонами, жена Сета и мать Анубиса — как минимум, её остерегались.

— Не тяни, — повторила Нефтида, её массивные серьги звякнули. — Ты утверждал, у тебя есть информация. Мы слушаем.

Ракшас глянул на Персефону и торопливо кивнул:

— Хорошо. Расскажу, о чём шепчутся там, где даже боги не слышат.

Он наклонился ниже, навис над столом, обеими руками сжимая стакан с глинтвейном. Почти придвинул его к девушкам, так что Персефона ощущала запах корицы.

— Говорят, когда Геката освободила Кроноса, Подземный мир начал разрушаться, а с ним и весь мировой порядок... и после смерти Кроноса вещи не вернулись на свои места.

Персефона испугалась, что на её лице могут отразиться эмоции, поэтому торопливо опустила глаза и обрадовалась, что Нефтида спокойно сказала:

— Это всё? Ты позвал, чтобы рассказывать известные факты?

Боги, конечно же, охраняли свои тайны, даже в одном пантеоне не желали признавать друг другу, что именно идёт не так, что разрушается.

Персефона не хотела, чтобы ракшас понял, что её лично это тоже заботит. Чтобы узнал, что Подземный мир действительно медленно разваливается. Крошится по краям, и это заставляет Стикс течь не так плавно, засыхать деревья в лесу, блёкнуть фиолетовые искры на полях асфodelей.

— Говорят ещё кое о чём, — протянул ракшас. — Будто бы скандинавы задержались здесь именно из-за их предательства в истории с Кроносом. И Локи ведёт долгие беседы с Зевсом.

— Или они пьют. Это политика. Решил языком почесать?

Персефона поймала быстрый, едва уловимый взгляд Нефтиды. Та угрожать не умела и просила об этом подругу. Персефона тоже не очень понимала, что делать, но тихонько выпустила силу. Не ту, что досталась от матери, не светлую весну, а холодную, гулкую, что пришла к ней с мужем, когда Персефона села на трон Подземного мира.

Ракшас отпрянул, зябко поправил огромный шарф.

— Говорят, Геката смогла захватить часть силы Кроноса. Поэтому его так легко победили. А она продолжает скрываться в тенях, именно её стоит опасаться.

— Это всё?

Ракшас перевёл взгляд на Персефону:

— Многие верят, что твоя тёмная сестра может разрушить не только Подземный мир.

Он подхватил глинтвейн и, неловко путаясь в одеждах, поднялся из-за столика. Нефтида постучала ногтями по блестящей столешнице:

— Думаешь, Геката продолжает что-то делать?

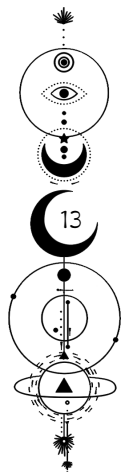
— Может быть. Надо попытаться её найти.

Хотя Персефона лучше многих знала, что её сестра может сливаться с тенями, исчезать в них и растворяться на перекрёстках. Что никто и никогда не найдёт Гекату, пока она сама того не пожелает.

Нефтида вздохнула:

— Надеюсь, наши мужчины проводят время так же весело.

Сет и Гадес стояли спиной к спине, отражая удары многочисленных противников. Оставалось гадать, откуда они взялись, но об этом можно подумать позже.

Они находились в каком-то переулке, не понимая, как простая прогулка «до ближайшего бара» обернулась схваткой.

Их зажали меж старинных каменных стен, и противники, похожие на призраков, нападали с двух сторон. Вытянутые силуэты, этакие саваны с когтями и шипением.

Движениям мешал деловой костюм, Сет не успел переодеться, но сила отзывалась. Яростная пустыня, песок и война — он управлял хаосом и следами тысяч скорпионов. А ещё он носил с собой нож. Если прибавить божественную силу, лезвие неплохо справлялось с рассечением этих странных существ.

Сет не мог видеть Гадеса позади себя, но ощущал его тёмную силу, разгонявшую противников перестуком костей и стылým ощущением самой смерти.

Короткий выпад, быстрое движение вверх, и белёсый силуэт с шипением рассыпался. Они издавали странные звуки, коготками проходили по асфальту и стенам, игнорируя законы физики, которым вынуждены подчиняться даже боги.

Появились псы Сета, ему казалось, он слышал Цербера за спиной, но не был уверен. Когда последний нападавший наконец-то рассыпался, Сет перевёл дыхание и обернулся к Гадесу.

Тот присел на корточки, аккуратно касаясь пальцами асфальта, на котором образовался белый налёт от убитых тварей. Цербер в облике огромного добермана обнюхивал землю.

Псы Сета сновали рядом, но по его команде исчезли, слились со мраком вокруг.

— Что за хренотень была?

Гадес невозмутимо пожал плечами:

— Твой словарный запас, Сет, неизменно меня восхищает.

— Лучше расскажи, что это было.

— Понятия не имею.

Поднявшись на ноги, Гадес отряхнул колени. Порыв прохладного ветерка, пронёсшийся по переулку, тут же заставил Сета пожалеть, что он не оделся теплее.

— Я думал, какие-то твои друзья из Подземного мира, — сказал Сет.

— А похожи? Нет, не знаю, кто это. Думаю, мы случайно оказались на их пути, они хотели полакомиться божественной силой. Или кровью. Откуда мне знать?

Гадес помолчал, но Сет был с ним давно и хорошо знаком: тысячи лет научили его понимать друга.

— Думаешь, они здесь из-за Кроноса?

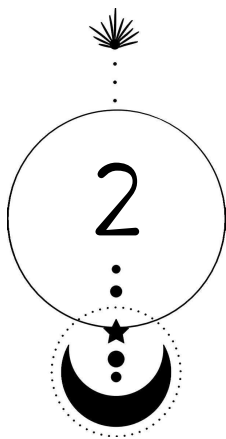
— Скорее всего. Не все чудовища присоединились к пантеонам. Некоторые затаились и вылезли из тёмного угла, когда почуяли, что с Кроносом покончено. Он был тем ещё уродом, но Кронос — это время. Когда убиваешь время, будут последствия.

С этим стоило разобраться, но Сет не видел возможности сделать это прямо сейчас. А если так, то нет смысла пытаться с ходу решить проблему. Тем более с напавшими они справились.

Аккуратно сложив нож, Сет убрал его в карман. В конце концов, он давненько не сидел с Гадесом. Поэтому сказал:

— Пойдём бухнём.

За стенами шум захватчиков и покорённого города. Но здесь, в усыпальнице, полумрак и вязкая тишина. Она проникает сквозь кожу тяжёлым запахом мирры, нагретых на солнце смол и древних таинств, которые оставались рядом с жителями Кемета.

Они верили в богов. Знали, что те шагают рука об руку с ними — и даже не подозревали, насколько правы.

Последняя великая царица этой земли лежит среди цветастых тканей, ожидая смерти. Яд уже забрал двух служанок, и теперь струится по её венам, жаждет наконец-то захватить и её. Остановить сердце, чтобы его обладательница не стала живым трофеем.

Гор — бог не только ясного неба, но и царской власти. Фараоны считаются его воплощением на земле.

Считались, поправляет он себя. Время этой земли уходит с последними вздохами её царицы.

Гор не сожалеет. Он искренне считает, что стоит двигаться дальше, а не стоять на месте. Он хорошо приспособливается к меняющемуся миру людей. Но сейчас ему... сложно.

— Я могу это сделать.

Гор поднимает голову на стоящего за царицей Анубиса. Они не так часто пересекаются с братом, но в этот день не могли не явиться оба.

— Нет, — отвечает Гор. — Ты знаешь, это моё дело.

Он ненавидит убивать. Вот так, торжественно и ритуально, ему это претит. Но именно он, покровитель царской власти, должен забрать последний вздох царицы. Поэтому Гор склоняет колено и касается её руки. Веки вздрагивают, и когда она смотрит в разные глаза бога, голубой и зелёный, то понимает, кто перед ней.

Наклонившись, Гор целует её, касается кончиками пальцев места над левой грудью женщины и лезвие выпускает силу, поторапливает яд. Ударив в последний раз, сердце царицы останавливается, а её последний вздох замирает на губах бога.

Гор отстраняется, хотя не поднимается на ноги. Он смотрит, как Анубис мягко улыбается призрачному силуэту. Его колкий старший брат преображается, когда надо провожать мертвецов. Он уводит царицу на ту сторону.

Единственный раз, когда они сделали это вместе.

— Я вернусь, — пообещал Анубис. — Скоро.

Тогда Гор проворчал, что уже пару тысяч лет не маленький и способен подождать. Теперь же старательно отгонял беспокойство и уверял себя, что это попросту глупо.

Он снимал квартиру в тихой части Хаммерсмита. Платить приходилось втридорога, зато недалеко от апартаментов Сета, где зачастую все собирались. К тому же Гора устраивало небольшое жилище — его сдавала милая женщина средних лет, строго указавшая если и водить девиц, то хотя бы не устраивать бурных оргий.

Как и все люди, она не могла внешне определить, сколько же лет Гору, у всех богов возраст слишком неопределённый. А он не стремился врать или утолять любопытство. Внёс плату за несколько месяцев, как полагается, и забрал ключи.

Большую часть времени Гор проводил либо в клубе Сета, либо занимаясь делами. Оказалось, что и в Лондоне можно продолжать яхт-бизнес. Хотя Сет ехидно предлагал пойти барменом к нему в клуб и сменять Анубиса.

Братья были разными. И дело вовсе не в том, что это Гор казался старшим, будучи и ростом повыше, и в плечах пошире.

Анубис родился в Дуате, египетском царстве мертвецов, диковатый, не особо умеющий общаться или сдерживать свою силу. Когда он впервые увидел мир людей, то искренне им восхитился — и полюбил. И постоянно ругался с отцом: Осирис хотел, чтобы принц мёртвых проводил большую часть времени именно в Дуате.

Гор не мог там долго находиться, тот мир буквально выпивал его силы. Слишком живой, воплощение чистого неба и пульсирующей жизни, он легко находил общий язык и с людьми, и с богами.

Они с братом редко общались за прошедшие сотни лет, но в последнее время неплохо ладили. По крайней мере, Гору хотелось в это верить.

Он слонялся по квартире, ожидая возвращения Анубиса. Не то чтобы в его распоряжении оказалось много пространства: одна комната со старым продавленным диваном, для которого Нефтида передала парочку цветастых пледов, смежная с ней спальня да крохотная кухня.

Гор подошёл к батарее и выкрутил ручку, надеясь ещё немного прогреть комнату. Многие боги с юга не могли привыкнуть к местному климату. Анубис

мёрз, когда его уж слишком одолевали мертвецы. Гор — просто от холода. Поэтому натягивал на рубашки свитера и готовился оплачивать баснословные счета за электричество.

Но осень в Лондоне ему нравилась.

За окном густилась тьма, капли равномерно барабанили по стеклу, и Гор направился в спальню. Зажёг маленькую лампу и гирлянду, вившуюся в изголовье кровати. Её принес Анубис, заявив, что с ней куда уютнее.

Не торопясь, Гор перестелил постель, стараясь не смотреть на часы и не прикидывать, сколько уже нет Анубиса. Тем более в глубоких слоях Дуата, мира мертвецов, время может течь совершенно иначе.

Гор понятия не имел, почему брат предупредил именно его, а не Сета. Подозревал, Анубис не хотел, чтобы Сет знал.

Застелив кровать, Гор вскинул голову, заметив что-то в окне. Вместе с дождём к стеклу прилип призрак, отдалённо похожий на человека. Он таращил тёмные глаза, а его нижняя челюсть уплывала, как будто забыв, где её место. Ладонь лежала на стекле.

Один из разноцветных глаз Гора видел мертвецов.

Они часто раздражали, так что он махнул рукой, прогоняя настойчивого призрака. Слегка выпустил силу, яркую, энергичную, бьющую и пульсирующую. Призрак тут же отпрянул.

Во второй комнате послышался шум, и Гор почувствовал, что Анубис переместился из мира мертвецов, шагнул, как он всегда делал. Через мгновение тот появился на пороге комнаты, его заметно шатало, но Гор успел подхватить и усадить на кровать.

— Столько сил занимает, — хрипло пробормотал Анубис, тёмные волосы падали ему на лицо.

Так бывало каждый раз. Изнанка мира мёртвых даже из него изрядно вытягивала энергию. Оставив Анубиса, Гор пошёл в другую комнату. Достал из комода одеяло и вернулся в спальню: брат уже свернулся калачиком и крепко спал.

Молча Гор укрыл Анубиса и приглушил свет. Дождь продолжал шелестеть, но призраков в нём больше не мерцало.

В темноте Гор вернулся в комнату, где уже стало гораздо теплее, и поправил постель на стареньком диване: теперь и он может поспать.

К утру дождь прекратился, хотя ещё напоминал о себе каплями на стекле. После душа Гор заглянул к спавшему брату: одеяло сползло до пояса, Анубис лежал едва ли не поперёк кровати, уткнувшись лицом в сгиб локтя.

Конечно, Гор не удержался и сдёрнул одеяло:

— Подъём!

Анубис зашевелился и отчётливо пробормотал ругательства, но Гор слушать не стал. Кинув одеяло, он поторопился на кухню.

Небольшая, по-своему очень уютная. Окно здесь было единственным, но в него видно небо, а это для Гора главное. Он ощущал за спиной золотистые крылья, сиятельный сокол, воплощение жизни египетского пантеона.

Перед тем как «исчезнуть по делам», Амон притащил кофе, пачка которого обещала «изысканный, насыщенный аромат с подтоном сладковатых фруктов и рома». Сет утверждал, что лучше всего варить кофе в турке, но Гор не стал слушать и купил кофемашину.

Это была его единственная покупка в квартиру. И блестящие бока новенького аппарата резко контрастировали с обшарпанной мебелью кухни.

Скатерть. Ещё Гор, конечно же, убрал старенькую скатерть со стола, потому что терпеть её не мог. Теперь там стояла небольшая вазочка с орешками, туда же Гор поставил две чашки с кофе, как раз к тому моменту, когда на пороге появился отчаянно зевающий Анубис.

— Доброе утро, воробушек.

— Ты меня точно ненавидишь, — отозвался Анубис.

— Сам просил разбудить.

— Я думал о чём-то вроде будильника.

— Сам бы его и ставил.

Анубис явно хотел что-то ответить, но вместо этого подошёл к холодильнику и сунул туда голову. Гор спокойно пил кофе, пока Анубис не развернулся к нему, держа что-то в руке:

— Где вся еда? Не говори, что у тебя на обед это дерьмо!

— Это йогурт.

Анубис закатил глаза, но закрыл холодильник и уселся на стул, не выпуская йогурта. Подвинул к себе чашку кофе:

— Спасибо.

Он с интересом попробовал орешки, и миндаль ему явно понравился. Гор незаметно подвинул к нему вазочку. Он сам не знал, зачем купил, может, потому что Нефтида всех уговаривала, что орехи — это очень по-осеннему.

— Нет, ты правда не ешь, что ли? — прищурился Анубис, открывая йогурт.

— Не дома.

Хотя в последнее время не хотелось и вне дома.

— Зато тебе завидуют, — усмехнулся Гор. — Я видел в божественном чатике. Там дамы вздыхали, что хотят есть, как ты, и оставаться такими же тощими.

— У меня быстрый обмен веществ, — заявил Анубис, беря ещё орешек. — И я не тощий, а стройный, Хару!

— Как скажешь, Инпу.

Они называли друг друга древними именами, которые звучали во времена, когда пирамиды только строились.

— А тебя в чатике называют «осенним мальчиком», — ухмыльнулся Анубис.

Даже Гор не знал, кто первым это высказал, но наверняка неугомонный Амон. Солнечный бог успевал влезть во всё, и он называл Гора осенним, в основном из-за каштановых волос.

Анубис съел ещё орешек и достал сигареты. Хмуро глянул на Гора:

— Надеюсь, курить у тебя ещё можно?

Гор отмахнулся: проветрит.

— У меня от этого голова меньше болит, — сказал Анубис. — Переход был сложным, а человеческие таблетки нам не помогают.

— Очень больно? Может, стоит ещё поспать?..

— Ой, отвали.

Анубис с раздражением стряхнул пепел с сигареты в пустую баночку из-под йогурта. Он не позволял никому заботиться о себе. Только Сету.

А может, Гор действительно припозднился с этой заботой. Стоило проявлять её, когда он оставался среди людей, а Анубис был вынужден почти постоянно торчать в Дуате, как желал Осирис. Гор тогда редко навещал брата.

Теперь Осирис мёртв, и царство полностью на Анубисе. Хотя все продолжают звать его принцем мёртвых — все, кроме Гора, конечно же.

— Узнал что-нибудь, воробушек?

— Ничего полезного, — Анубис пожал плечами. — Но мне кажется, после Кроноса попасть на

изнанку стало сложнее. Я там совсем теряюсь во времени... и в мертвецах.

Гор не бывал на изнанке Дуата. Но прекрасно знал: то, что происходит в мире мёртвых, влияет и на Анубиса. Он научился неплохо управлять своей силой и Дуатом, но временами мертвецы становились слишком громкими и утягивали его за собой. Может, куда-то глубже, чем изнанка.

— Я пойду снова, — заявил Анубис, выпуская горький дым и смотря в маленькое окошко. — Уверен, что смогу отыскать полезное.

— Не думаю, что там что-то есть, а риск не оправдан...

— Да? — резко спросил Анубис, в упор посмотрев на брата. — И что ты предлагаешь? Ждать, когда ты умрёшь?

Гор не ответил и тоже взял орешек, но не съел, а крутил меж пальцев. Это началось с момента, когда Кронос вырвался из Тартара. Как будто кто-то раскрыл клапан внутри самого Гора, и из него медленно утекала жизнь.

Гор умирал.

И он хотел быть рядом с братом, прежде чем навсегда исчезнуть. Потому что боги, в отличие от людей, не отправляются в загробные миры. Они исчезают — воспоминаниями, пеплом и дождём.

— У меня выходной, — сменил тему Анубис, имея в виду то ли дороги мертвецов, то ли бар. — Мотоцикл вниз. Предлагаю поехать куда-нибудь и нормально поесть.

— Если я поведу.

Гор не хотел говорить, что Анубис ещё не отошёл от визита на изнанку Дуата, а их тела хоть и не могут умереть и восстанавливаются быстро, но попадать в аварию не хотелось.

Анубис такой заботы не принял бы, поэтому Гор улыбнулся:

— Ты все мои орешки съел. Так что должен мне, воробушек.

Проворчав что-то неразборчивое, Анубис вытащил из кармана ключи и кинул на стол. Затушил сигарету и демонстративно подхватил последний орешек из вазочки.

Когда Гор лишился глаза, тело не смогло его восстановить, зато магия оказалась на это способна. Он долго не рассказывал, что видит тем, другим глазом, но Анубис теперь знал, что призраков.

Поэтому и сейчас Гор увидел взметнувшихся мертвецов за мгновение до того, как они облепили Анубиса. Плотно, вязко, белёсым коконом, который жаждал утянуть не его тело, а именно божественную сущность.

Пальцы Анубиса вцепились в столешницу, голова склонилась, а плечи напряглись. Пока за его спиной не развернулись тёмные крылья, сотканые из тех же мертвецов — крылья, которые простирались между мирами, до самого Дуата. Сила бога и проводника.

Кокон вплёлся в них и исчез, Анубис перевёл дыхание.

— Проклятые мертвецы!

Гор убрал пустые чашки и сполоснул их в мойке, давая Анубису окончательно прийти в себя. Обернулся, вытирая руки, как раз в тот момент, когда брат хмурился, читая что-то на телефоне. Повернул его, чтобы и Гор мог увидеть экран.

Сообщение от Сета: «Приезжайте срочно. Оба».

Анубис и Гор переглянулись, и последний успел подхватить ключи, отправляясь к выходу. Ему в спину ударился вопрос:

— Эй, у тебя права-то есть?

— Водить я точно умею.

Сет и Нефтида жили недалеко, в пафосном районе, название которого Гор не помнил. Сет точно не писал бы такого сообщения, если бы это не было срочно, но Гор не торопился.

Ему нравился мощный мотоцикл Анубиса, хотя Гор и получил ощутимый тычок под рёбра от брата, когда с трудом вписался в поворот, скользнув по луже.

Дороги опасно поблёскивали влагой, у тротуаров собирались кучи пожухлых листьев, и даже в куртке поверх свитера было уже зябко.

Гор мог ощутить, как Анубис позади него распускает тёмные крылья. Усмехнувшись, Гор выпустил свои собственные, золотистые, словно покрытые дымкой.

Люди не могли этого видеть, но наверняка чувствовали. Замечали что-то краем глаза. Непонятное ощущение на границе узнавания. Покальвание в кончиках пальцев.

Но управлять мотоциклом на мокрой дороге так гораздо удобнее. Гор прибавил газу, и вскоре они поднимались на лифте к апартаментам Сета. С зажатых в руках шлемов капли воды падали на ковёр, и Гор невольно задумался, как они выглядели с точки зрения того человека, что сидел внизу и вроде бы следил за порядком.

— Что случилось? — спросил Анубис, едва Сет открыл дверь.

Терпением он не отличался. Сет хмурился, пропуская их внутрь:

— Амон вернулся.

— С блинчиками и фееричными историями?

— Не совсем.

Гостиная была огромной. С многочисленными диванами, устойчивым запахом благовоний и панорамными окнами от пола до потолка. Квартира

в принципе была большой, и в ней удивительным образом сочеталась любовь Сета ко всевозможным современным штукам и страсть Нефтиды к старинному восточному.

Она вместе с Гадесом и Персефоной устроились у дальнего окна. А рядом со стеклянным столиком, прямо на полу, сидел Амон.

В любой другой момент он бы наверняка подскочил при виде гостей и если не кинулся радостно обниматься, то уж точно заразил бы своей энергией.

Амон казался потерянным, а в комнате совсем не ощущалось отголосков его солнечной медовой силы. Закутавшийся в один из пледов Нефтиды, он ощущимо дрожал, хотя сложно сказать, из-за холода или чего-то другого. Светлые волосы растрёпаны. Он казался воплощённым кусочком осени, той промозглой и наполненной пустотой, что бывает в конце ноября.

Погасшее солнце.

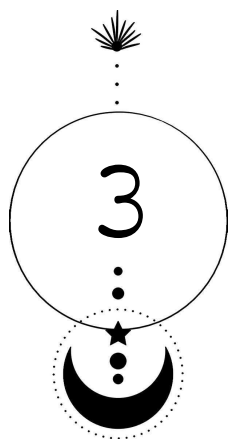
— Ничего не рассказывает, — негромко пояснил Сет.

Шлем Анубиса полетел на диван, а сам он опустился на колени перед Амоном. Старые друзья, неугомонное солнце и мрачноватая луна египтян.

— Амон? Что случилось?

Вместо ответа тот порывисто дёрнулся вперёд, сжался, как будто хотел спрятаться, и Анубису пришлось неловко его обнять. Он с удивлением глянул на Сета.

Больше всего Амон любит солнце. Оно может не сверкать с голубого неба, но дневной свет заряжает энергией, заставляет собственную солнечную силу бурлить по венам, отзываться сразу и чётко.

Когда сгущаются сумерки, Амон как солнечное божество слабеет. Не становится беспомощным, но слабеет.

Засыпает до утра.

До того момента, пока медовый диск снова не появится на горизонте.

Боги бессмертны. Они не зависят от веры людей, они... есть. Рядом. И за тысячи лет либо засыпают, обращаясь в реликты, либо приспособливаются к тому, что вокруг.

Амон засыпать не хочет. Ему слишком нравится этот яркий, пульсирующий мир, в котором постоянно что-то меняется.

На вечеринке он смеётся, запрокинув голову. Светлые волосы потемнели от пота. Амон кажется совсем юным среди таких же людей, которых интересует лишь этот вечер здесь и сейчас, под рваные ритмы мелодии, о которой никто не вспомнит назавтра.

У людей нет впереди вечности.

Амону нравится танцевать. Дёрганый неоновый свет льнёт к его рукам, свивается вокруг запястий и запутывается в волосах.

Люди создают новые искусственные солнца, стремясь продлить световой день — и Амон пользуется этим.

Они с Эбби вываливаются на улицу ближе к полуночи, уставшие, но довольные. Амон проводит по влажным волосам и думает, как хорошо, что боги не болеют так, как люди. Тела можно повредить, даже убить, но божественные сущности возвращаются.

Они не люди и никогда ими не были. Они те, кто существует рядом.

Достав телефон, Амон вызывает такси. Он хочет спать, с трудом сдерживается, чтобы не зевать. Эбби рядом ещё пританцовывает, но повисает на его плече. Заявляет:

— Я устала!

— Знаю, — улыбается Амон.

Эбби молчаливо вздыхает. На улице нет даже неоновых вывесок, электрический свет окутывает Амона, укрывает, но это не то же самое, что и солнце.

— Мне надо уехать.

— Куда? — поднимает голову Эбби.

— По делам. Смело пинай Анубиса, если что.

— Угу.

— Я ненадолго.

Амон подмигивает и легонько касается пальцами носа Эбби. Она хихикает.

Амон не ощущал себя ни слабым, ни больным, ни обессиленным.

Он ощущал себя холодным.

Он сидел прямо на полу, на цветастом ковре, прильнув к дивану. От панорамного окна с мут-

ным днём его отделяло небольшое пустое пространство. Амон ощущал солнце, даже такое сумрачное, спрятавшееся за облаками, запутавшееся между высокими лондонскими зданиями.

От плета Нефтиды пахло чем-то смолистым, и Амон с удовольствием в него кутался. С кухни слышались резковатый голос Сета и спокойные ответы Гадеса. Нефтида увела всех туда, и Амон сразу переместился поближе к свету и солнцу.

Тихих шагов Анубиса он почти не услышал. Заметил краем глаза, когда тот усаживался рядом, вытянув ноги. Они почти касались стекла.

— Гор поехал за Эбби, — сообщил Анубис.

— Угу.

Амон едва ли произнёс десяток слов с тех пор, как появился на пороге квартиры Сета, и знал, что это неправильно, но никак не мог заставить себя говорить. Казалось, что с каждым словом будет уходить частичка тепла.

Анубис сидел в тёмной футболке и совсем не мёрз. Достал из кармана сигареты и закурил. В этом было что-то привычное, обыденное, если прокомментировать, ничего страшного не случится:

— Сет тебя убьёт. Если опять всё дымом проворачивает.

Анубис даже не пытался об этом задумываться:

— Я там шлем на его любимый диван кинул и всё испачкал. Так что в любом случае должен химчистку.

Горький, противно пахнущий дым был привычен. Беседы с Анубисом тоже привычны. Пока Осирис не умер, предпочитал, чтобы Анубис большую часть времени проводил в мире мертвецов. Но если тот выбирался к людям, то рядом чаще всего бывал Амон.

И в неприятности попадали вместе. Однажды Анубис потащил его на концерт Queen куда-то

в Восточную Европу, а их там посчитали иностранными шпионами. Вытаскивать пришлось Сету вместе с Гадесом, они ещё и каких-то местных богов подключили.

Но концерт стоил того.

— Кто-то забрал твою силу?

— Чего? — Вопрос был настолько неожиданным, что Амон встрепенулся.

Анубис сделал неопределённый жест рукой, и с сигареты свалился столбик пепла точно на ковёр. Потянувшись, Анубис нащупал на столике пепельницу и спустил её вниз.

Амон хотел покачать головой, но на это требовалось слишком много тепла. Поэтому сильнее закутался в плед и ответил:

— Никто не может забрать силу бога. Это как... забрать кровь из тела.

Сама мысль казалась Амону абсурдной. Анубис переложил сигарету в левую руку, пытаясь правой собрать пепел с ковра.

— Тогда почему я совсем не чувствую твоей силы? Как будто ты человек.

— Я... ну... сам её приглушил.

— Почему?

До этого вопросы Анубиса оставались простыми, Амон легко мог ответить, но теперь ему снова стало казаться, что перед ним необъятная холодная бездна. На такой вопрос не ответишь в двух словах.

Большая часть пепла осталась на пальцах Анубиса и на ковре. Он попробовал его затереть, но вышло ещё хуже. Наконец-то прекратил и, одним движением стряхнув столбик с сигареты, снова взял её в правую руку.

— Куда ты уезжал, Амон?

Вот оно. Амон знал, что ему придётся рассказать, но до сих пор не представлял, с чего начать. Страх

ещё холодными капельками пота пробегал по спине, оседал дымом в лёгких.

Но он в привычной квартире Сета, а рядом не кто-то чужой, а Анубис.

— Меня позвали.

— Кто? — Анубис выдохнул дым в сторону окна. — Или, скорее, зачем?

— Не знаю. Пришло сообщение, что у кого-то из моего пантеона возникла деликатная проблема и я могу помочь. Дали адрес и сказали, это на пару дней.

Рассказывая об этом, Амон понимал, как глупо всё вышло. Он поверил непонятно кому и подумал, что раз дело его пантеона, значит, ему и решать. Амон — вечно юный бог солнца, но ещё и глава пантеона. Это его ответственность.

И что могло случиться? Ведь Кронос побеждён.

— Я думал, что буду полезен, — пробормотал он.

— Амон, ты — то солнце, которое греет. Мы знаем это. Ты в курсе, кто позвал?

— Нет.

— А что было потом?

— Я... плохо помню.

У него в памяти чётко отпечатались комната без окон, куда не проникал ни единый луч солнца. Вечно тёмная, лишённая даже отголосков какой бы то ни было силы.

— Я не знаю, кто это был, но они каким-то образом оглушили...

— Найдётся куча способов, — предположил Анубис. — Они где-то держали тебя?

— Да. Без света. Сначала было странное ощущение, будто моей силой кто-то пользуется, а потом... меня оставили в темноте, чтобы посмотреть, сколько я протяну. Пока совсем не погасну без солнца.

Амон помнил тот момент, когда осознал, что его не выпустят. Он ничуть не боялся замкнутых про-

странств, но без света действительно начинал постепенно увядать. И в памяти чётко возникла паника.

Амон снова задрожал, даже под тёплым пледом Нефтиды, но Анубис рядом оставался спокойным и уверенным, знал, что именно это успокаивает Амона.

— Кому-то всё ещё не даёшь покоя, — заключил Анубис. — И я готов поспорить, что это Геката.

— Зачем?

— Может, использовала твою силу, пока могла.

Амон вспомнил это неприятное ощущение сначала, в темноте. Кто-то действительно направлял в своих целях то, что у него оставалось.

— Я испугался, — тихо сказал Амон. Его слова вплетались в сумрачный день за окном. — И тогда приглушил остатки силы.

— Теперь ты дома. Верни её.

Не могу, хотелось сказать Амону. Не могу, не могу, не могу! Он загнал остатки солнца так глубоко внутрь, что до сих пор боялся, вдруг исчезнут и они.

— Ну хорошо, — не стал настаивать Анубис. — Главное, сейчас ты здесь. Напитайся солнцем и светом.

Амон кивнул. Он надеялся, что отдохнёт и сможет стать таким же сияющим, как раньше. Нужно немного времени.

— Мне это не нравится, — заявил Анубис. — Что творит Геката? И зачем? Ходят слухи, она смогла подхватить часть силы Кроноса. Как она её использует?

— Ты превращаешься в параноика, — уголки губ Амона дрогнули в подобии улыбки. — Мертвецы беспокоят?

— Я родился в Дуате. Вырос там, и мертвецы окружали меня куда чаще, чем люди. После Кроноса границы иногда... сбоят. Или это я не могу их удерживать. Но мертвецы не хотят мне вредить.

— Гор говорил...

— Гор драматизирует.

Амон не спорил, но попросил рассказать, что произошло за то время, пока его не было. Анубис достал ещё одну сигарету, но курить не стал. Он говорил и говорил о граффити, о клубе Сета, о богах, которые задержались в Лондоне.

— Может, спросить совета у Тиамат? — предложил Амон.

— У этой чокнутой?

— Одна из самых древних богинь. Она убила Кроноса.

— Поэтому я ей не доверяю. И никто. Ты забыл, что она хотела забрать тебя? Я так и не понял зачем. Рассказывать ей сказки?

— Может, не хочет уснуть, хочет понять современный мир.

— А может, ты неотразим и она запала. Но лучше не проверять. С Гекатой проблем хватает.

Амон не был согласен, но решил, что пока не лучший момент, чтобы думать о древних богах. Анубис замолчал и, нахмурившись, потёр ладонью лоб.

— Голова болит, — пояснил он. — Ходил вчера на изнанку Дуата. Ты знаешь, это место — не мир мертвецов. Он глубже... и не предназначен для богов. Даже для меня.

— Зачем полез?

— Там можно многое найти. Ответы. Вдруг поможет понять Гекату. Или спасти Гора.

Анубис прикрыл глаза, прислонившись затылком к спинке дивана. Может, про других богов на изнанке ничего и не найдётся, но отец у Гора тот же, что у Анубиса. Гор наполовину принадлежит Дуату.

Амон высвободил правую руку из пледа, протянул ладонь к окну, рассматривая, как тусклый осен-

ний свет окутывает руку. Пошевелил пальцами, словно впитывая, наматывая.

Осторожно, боясь задеть не те струны и нити, Амон вызвал солнечную силу внутри себя. Она никуда не исчезла, но затаилась.

— Я не чувствовал, что тебе угрожает опасность, — сказал Анубис.

— Она и не угрожала. Меня просто лишили солнца.

Он позволил силе окутать себя. Нагретая мирра и ласковый, медовый свет. Анубис рядом пошевелился, но ничего не сказал. А солнце и тепло продолжали заполнять комнату. Неровно колеблясь, неуверенно, но Амон ощущал, как лучи текут сквозь тучи и сквозь него.

— С возвращением, Амон, — негромко сказал Анубис.

— Ага.

Он ещё поиграл силой, ощущая, что плед становится ненужным, внутри снова разгоралось собственное тепло. Расплавленное золото и смола с нотками шерсти.

— Я не помню, как вырвался оттуда, — негромко сказал Амон, поворачивая руку, позволяя свету окутывать её. — Мне позволили уйти.

Ответить Анубис не успел. Где-то за их спинами хлопнула входная дверь, раздался женский визг:

— Амон!

Он встрепенулся и, оставив плед на полу, поднялся, обошёл диван, чтобы встретить Эбби.

Она надела его горчичный свитер, который был великоват на пару размеров, но при этом удивительно шёл. Светлые волосы на кончиках выкрашены в розовый, на лице выражение радости. Она походила на обычную девушку, а не на древнего монстра, который спал тысячи лет и теперь решил никого не убивать, а познавать этот мир.

Линзы вставлять не стала, так что были видны её настоящие глаза с вертикальным зрачком, как у змеи.

Взвизгнув, древний монстр Апоп, которая предпочитала, чтобы её называли Эбби, кинулась на шею Амону.

Когда-то считалось, что её естественным стремлением станет желание уничтожить его, но они оба пошли против правил и ничуть об этом не жалели. Но когда руки Эбби коснулись шеи Амона, он зашипел от боли, а она отпрянула. Он поморщился и потёр то место, где теперь наверняка останется ожог.

Иногда такое случалось, хотя они оба понятия не имели, от чего зависит, и порой даже забывали, теряли бдительность... а потом торжествовали древние законы, и тело змея Апоп обжигало солнце Амона.

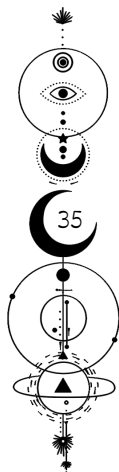
В Лондоне множество ночных клубов.

Открывая свой, Сет не думал, что тот станет особенно известным. Его это вполне устраивало, он любил бизнес, любил вызовы или трудности.

Раньше Сет предпочитал прямолинейность войны. Когда ты видишь лицо противника, крепко сжимаешь оружие этой эпохи и позволяешь энергии выплеснуться. Позже он понял, что бизнес предполагает наличие всё тех же качеств.

Сет был воином и оставался им. Но меч или автомат он сменил на деловой костюм, а кровь на лице — на вежливую улыбку. Росчерком ручки ворочались капиталы и предопределялось куда больше, чем оружием. А решительности и целеустремлённости требовалось столько же.

Сет до сих пор не решил, радоваться ему или печалиться, что после Кроноса город наводнили боги разных пантеонов и пить они предпочитали именно у Сета. Ему нравились предсказуемые и понятные

люди. Но боги тратили те же деньги, так почему бы и нет?

Офисы располагались в здании наверху, а сам клуб рядом, за парочкой неприметных дверей и яркой неоновой вывеской. Правда, в разгар дня она оставалась потухшей, к трубкам приклеились мокрые листья. Они же цеплялись к ботинкам, а на пиджаке оставалась морось.

К осени Сет привык давно.

Он прошёл узкими коридорами служебных помещений, чтобы оказаться в комнате с диванами и столиком. Не так давно Нефтида притащила сюда декоративный фонтан, заявив, что шум воды успокаивает. Гость Сета стоял как раз около него и мыл руки под струями с декоративной мельницы.

— Не трогай фонтан, — беззлобно сказал Сет и уселся в одно из мягких кресел. — Лучше скажи, зачем богине теней понадобилась сила солнца?

— О, какой интересный разговор.

Закончив с фонтаном, невысокий мужчина с рыжеватыми волосами повернулся и плюхнулся в другое кресло. Потянулся к столику и налил себе в стакан густую тёмную жидкость.

— Не рано начинать пить? — поинтересовался Сет.

— Это морс на северных ягодах. Попробуй.

— Надеюсь, что ты не сыпанул туда что-то галлюциногенное?

Локи изобразил на лице величайшее оскорбление и выпил сразу половину стакана. Откинулся на кресле и закинул ногу на ногу. В ухе у него поблёскивала серьга в виде молота.

— С чего ты решил сразу к делу? — поинтересовался Локи. — Я думал, ты зовёшь на дружескую попойку.

— Я тоже так думал, но планы изменились. Не вижу смысла скрывать информацию.

— С тобой бы не согласился мой царственный брат. Он считает, нужно выжидать до последнего. И молчать, конечно же.

— Где сейчас Один?

— В каких-то лесах, где не ловит Интернет. Толкает вековую мудрость перед общиной Асатру.

Насколько помнил Сет, Один оставался среди тех богов, которые не понимали двигателя внутреннего сгорания и презрительно морщились от стриминговых сервисов. С последним Сет мог бы согласиться, но слишком любил прогресс, чтобы понять такую точку зрения.

А вот Локи был куда умнее, чем хотел казаться. До Сета доходили слухи, что скандинавский пантеон неформально делится на два лагеря: тех, что поддерживают привычное главенство Одина, и тех, кто за Локи.

Сет рассказал всё, что знал сам о том, как кто-то запер Амона и, судя по всему, воспользовался его солнечной силой. Раньше подобного не происходило, они даже не знали, что это возможно! Наверное, и не было. Если ты не титан или не обладаешь частью его силы.

Бог хитрости и обмана задумчиво крутил в руках стакан с морсом. Он долго молчал, прежде чем наконец заговорить:

— Гм... Геката лучше всех богинь знакома с колдовством. Она смогла найти способ освободить Кроноса, пусть и не очень удачно. Но вдруг именно так и хотела? Подобрала его силу после смерти, как до этого хотела подобрать силу царств мертвецов. Использовала немного солнца и... что-то сделала, видимо.

— Что?

— Да откуда мне знать?

Сета с Локи не назвать хорошими друзьями, но любили раз в сотню-две лет встречаться за бутылочкой чего-то крепкого. Нефтида ворчала, что они сплетничают хуже женщин. Гадес потом приходил с водой из Стикса, потому что Сет неделю не мог протрезветь от забористого алкоголя Локи.

Морс оказался всего лишь морсом. Сет предпочитал не знать, где именно выращены ягоды, но вкус толкался в нёбо густым ноябрём и мраком у корней деревьев.

Спустя какое-то время Локи порядком разомлел, пересказал сплетни об Афродите и в очередной раз попытался подсчитать количество потомков Зевса.

— У тебя и Нефтиды нет детей. Зато она умудрилась изменить тебе с братом. — Локи закатил глаза. — Задорные родственные отношения египтян!

— Решил оскорблять мою жену?

Сет не хотел, но в голосе само собой прорезалось рычание, а в комнате стало суше, повеяло далёкой и безжалостной пустыней.

— Ой, остынь. Я не об этом.

Локи снова потянулся к кувшину и вылил в стакан остатки.

— Да каждый, кто хоть раз встречал Анубиса, может понять, кто его на самом деле воспитывал. Осирис отправлял его к тебе и Нефтиде, чтобы тот узнал мир людей. Ты ему стал отцом куда больше, чем сам Осирис.

Сет молчал, ожидая продолжения. Локи не стал бы говорить без цели.

— Он бы рассказал тебе? Если у него возникли проблемы, он бы попросил твоей помощи?

Сет промолчал. Он знал ответ, но подозревал, что Локи спрашивал отнюдь не ради него.

— Ни Хель, ни Фенрир не пришли ко мне. А теперь они мертвы. Один не позволил мне прийти,

когда была вся эта заварушка. Заявил, что они сами виноваты.

Теперь Сет начал понимать, что раскол среди скандинавов может иметь глубокие корни.

А ещё он помнил, что именно Амону пришлось убить Фенрира, когда оказалось, что тот причастен к убийствам богов.

Локи может быть мстительным, очень мстительным.

— Что с твоим племянником? — спросил Локи.

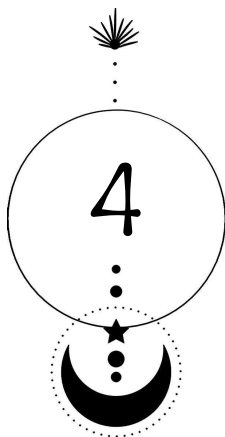
— А что с ним? — осторожно спросил Сет. Он успел пожалеть, что рассказывал что-то Локи. За всё время, что тот провёл в Лондоне, он не говорил о Хель или Фенрире.

— Я чую в Горе обман. Он что-то скрывает и очень не хочет, чтобы кто-то знал. Но я это... чую. Что с ним?

Просто он умирает. Но будь Сет проклят, если расскажет об этом Локи.

Он молчал. И хорошо осознавал, почему предпочитал встречаться с Локи раз в несколько сотен лет, а не чаще.

Дороги говорили с Анубисом.

Город говорил с Анубисом.

Хотя он не сомневался, город заговорит с любимым, кто захочет выслушать. Не побоится свернуть в переулок, пахнущий жареными каштанами. Последует за светящимися вывесками цвета свежей крови. Осмелится коснуться шероховатых стен зданий.

Анубис любил гулять пешком почти так же сильно, как ездить на мотоцикле.

Холодок забирался под куртку, но Анубис застёгивал молнию повыше и продолжал шагать, грея руки о картонный стаканчик с пряным кофе.

Он помнил время, когда от Темзы несло нечистотами так сильно, что невозможно подойти, не спрятав нос за платком. Теперь же от реки пахло... водой. Да нынешний ветерок казался прохладнее, чем когда-то, трепал волосы и проходил по короткому ёжику на затылке. Может, выбривать его и виски по осени было и не самой лучшей идеей.

Чужая смерть взвилась рядом, ткнулась в грудь, и Анубис остановился, повёл головой, словно пригнувшись или прислушивался. Его не волновал

шум машин, он быстро ощутил, что это старик в двух домах от набережной. Он выбрал загробным миром Дуат, и Анубис чувствовал его, потому что был рядом.

Он — врата.

Как и Гадес. Но тот открывал их и пропускал души, Анубис же не мог это контролировать, души постоянно скользили сквозь него, он даже не замечал. Поэтому его беспокоило, если границы сбоили, а мертвецы начинали утаскивать. Кто знает, как отразятся подобные вещи на Дуате.

Он — проводник.

Прибавив шагу, Анубис подошёл к клубу Сета и нырнул внутрь. Здесь оказалось гораздо теплее, чем снаружи, и Анубис понял, что подмёрз. Так что не стал торопиться снимать куртку, отогреваясь.

Посидел немного на высоком барном стуле, рассматривая пустой зал, походивший на притихшего хищника. Прибранного, с аккуратным повязанным бантиком, но это всего лишь видимость.

С тех пор как умер Осирис, а царство мёртвых перешло к Анубису, никто не обязывал его торчать там постоянно. Мир людей привлекал, но куда-то уезжать не хотелось, так что Анубис остался и решил, стоит поработать.

Смешивать напитки ему нравилось. А жить за чей-то счёт желания не было.

Анубис переоделся в футболку и накинул рубашку в красную клетку. Успел поставить свой плей-лист и даже привести всё в порядок за барной стойкой, прежде чем пришла Джилл. Она была обычным человеком, работала в клубе уже несколько лет.

С Биллом, вторым администратором, Анубис в первый же день разругался в пух и прах, так что Сет заявил, что пусть они лучше работают в паре с Джилл — та куда спокойнее.

Анубису она нравилась. Может, потому, что не настаивала на своей музыке. Он сделал кофе, американо себе и капучино с воздушной пенкой для Джилл. Она уселась за барную стойку, начиная их традиционный ритуал.

— Майк хочет на Хэллоуин съездить к его родителям, — сказала она, аккуратно отпивая кофе. — Говорит, его мать готовит чудесный тыквенный пирог.

— Это же в пригороде?

— Пара часов езды. Настоящая деревня! Но Майк говорит, Дэнни тоже понравится. Он сможет нарядиться призраком и сходить с друзьями за конфетами.

Дэнни — маленький сын Джилл и Майка. Анубис даже встречал его один раз: Джилл тогда задержалась, отвозя отца в травмпункт (боялись, сломал руку, упав с лестницы, но обошлось) и попросила забрать сына из школы. Она, конечно, предупредила учителей, но те всё равно позвонили ей при Анубисе и отдали семилетнего мальчика после её подтверждения.

Дэнни пришёл в восторг от пирсинга, а вот татуировка на затылке его не впечатлила. Он заявил, что у родителей тоже есть картинки на теле. Но к тому моменту, как они дошли до дома, решил, что проколёт бровь.

— Подрасти сначала, — хмыкнул Анубис. — Не шокируй маму.

— Ты так делал? — проницательно спросил Дэнни.

Анубис закатил глаза, но отвечать не стал, только крепче перехватил руку мальчика, чтобы тот не потерялся. Иначе Джилл точно голову оторвёт, никакой Дуат не поможет.

— Не хочется бросать вас на Хэллоуин, — вздохнула Джилл. — Тогда тебе придётся работать с Биллом.

— Ой, пусть Кевин с ним общается, — отмахнулся Анубис. В некоторые особо занятые ночи, каким на-верняка будет Хэллоуин, они всё же пересекались, но предпочитали находиться на разных концах стойки.

Когда закончили пить кофе, Джилл открыла клуб, а к шести часам подтянулись первые посетители. Молодая пара, люди, уселись за стойкой и попросили что-то из коктейлей, на вкус Анубиса. Он думал всего мгновение, потом легко смешал и испытал ни с чем не сравнимое удовлетворение, когда парень и девушка улыбнулись: им понравилось.

В выходные работы больше, в уик-энд клуб не закрывался до утра, по будням ходил на обычный бар.

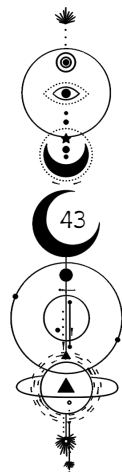
В этот день посетителей было необычайно много, так что Анубис едва успевал отдавать заказы и следить, чтобы посуда оставалась чистой, алкоголь не заканчивался, а посетители не скучали за пустыми бокалами.

Иногда он и здесь ощущал себя проводником. Для живых.

Они видели отражение мягкого неона в пузатых бутылках и истёртую барную стойку. Для Анубиса изнутри открывался стол и маленькие полочки, раковина и закатанное в ламинированную плёнку меню, криво прилепленное скотчем и отрывающееся с одного края.

Боги любили приходить в его смену, потому что Анубис знал, кто они. И доставал другие запасы, которые притаились за дверцами шкафчиков: те напитки, которые могли действовать и на богов. Настойки на водах Стикса и южноамериканских кактусах.

Когда выдался свободный момент, Анубис сполоснул руки и краем глаза заметил нового посетителя. Он привычно улыбнулся и направился туда. Его улыбка не дрогнула, когда он понял, что это Луиза.

В чёрной одежде, с длинными тёмными волосами и губами цвета перезрелых ягод:

— Привет. Можно обычный кофе?

— Какой?

— На твой вкус.

Анубис растерялся, впервые за вечер. С Луизой он и так уже сделал слишком много «на свой вкус». Но руки привычно засыпали зёрна, нажимали кнопки.

Луиза покрутила поданную чашку в руках, так и не отпив ни глотка.

— Отец рассказал, что ты здесь.

Гадес. Последнее время Луиза почти постоянно оставалась в Подземном мире, Анубис старался не лезть к ней без необходимости. На самом деле, её звали Макария, богиня блаженной смерти. Она предпочитала Луизу.

Большую часть времени она жила с людьми. Плод не любви, а короткой связи жрицы из Средневековья — она молилась своим богам, а ответил ей Гадес.

Макария не была богиней в полном смысле, как остальные. Её тело не старело и регенерировало как божественное... но после его смерти она и сама умрёт, как обычный человек, а не вернётся подобно богам.

— Как твой брат? — спросила Луиза.

— Нормально. Умирает.

В этом и проблема. Смертные переходят в загробное царство, которое им ближе. Существа, подобные Макарии, тоже могут выбирать, у них душа, как у людей.

Человеческие души не умирают. Божественные сущности исчезают навсегда.

— А ты как?

Она неопределённо пожала плечами.

— Тебя давно не было видно, — продолжил Анубис.

— В Подземном мире мне оказалось... удобнее. Когда заканчивается твой рабочий день?

— В полночь. Потом ещё час привести бар в порядок.

— Я подожду.

Анубис кивнул. Они пробовали поговорить после всего, что произошло, но вышло не очень. Может, на этот раз получится лучше.

К ночи людей стало меньше, они расходились, чтобы выспаться перед рабочим днём. Боги оставались дольше, но бар закрывался, так что они перемещались в ВИП-зону со столиками. Луиза тихо исчезла, и Анубис убрал так и не тронутую чашку с кофе. Он прибирался за стойкой, но так рассеянно, что Джилл, закрывавшая кассу и пересчитывающая выручку, погнала его.

Уходить Анубис не торопился. Он сделал себе кофе, щедро сыпанув корицы. Устроился на стуле рядом со стеной бутылок. Терпко-вяжущая пряность оседала на языке, пока Анубис думал, смотря на опустевшую барную стойку.

— Тебя вроде девушка ждёт? — спросила Джилл.

— Что? А, да.

— Ты не особо торопишься.

— Не знаю, что ей сказать. Я... напортачил.

Хмыкнув, Джилл вернулась к протиранию барной стойки. Бросив:

— Ты ей изменил?

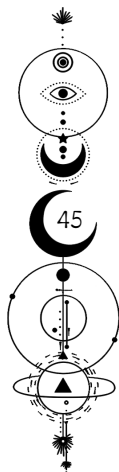
— Эээ... нет. Вовсе нет.

— Сделал что-то не то?

— Можно и так сказать.

— Помиритесь. Или расстанетесь. Я в твоём возрасте тоже заморачивалась.

Джилл было чуть больше тридцати, Анубис не знал точно. И предпочёл промолчать.

— Давай уже, иди! — Джилл замахнулась на него тряпкой. — Нечего тут прятаться.

Выйдя в осеннюю ночь, Анубис поёжился и застегнул куртку под самое горло. Когда от стены отделилась тень, он невольно вздрогнул — но это была всего лишь Луиза. В огнях вывесок и фонарей она представала призраком: бледная кожа и тёмные волосы, небрежно распахнутая куртка цвета запёкшейся крови. Лицо без особого выражения. Взгляд Луизы соскальзывал, отражал электрический свет, но сам мало что выражал. Хорошо хоть, глаза снова обычные, а не чернильная мгла.

Конечно, напомнил себе Анубис. Всё так, потому что она умерла.

Тогда Кронос достал её, убил тело, отправив душу в один из загробных миров... Анубис не смог отпустить и позвал обратно. Использовал все способности проводника и вернул, пока не начались необратимые процессы в умершем мозге.

Это походило на клиническую смерть. Но Анубис прекрасно понимал, что вернуть не может ни один бог, он позвал *ка* Луизы, часть её души. И теперь она здесь, но не совсем. Вернувшаяся, но не до конца. Не мёртвая и не живая толком.

Анубис не врал сам себе. Он не позвал. Он заставил её душу вернуться.

— Я без мотоцикла, — сказал Анубис.

— Жаль. Прогуляемся.

— Куда?

— К тебе.

Идти было прилично, Анубис устал после рабочей смены на ногах, но не возражал.

Большую часть пути они проделали в молчании. Луизу окутывал холодный электрический свет, к Анубису льнули тени. Мертвецы клубились вокруг них обоих.

— Я давно не гуляла, — наконец сказала Луиза.

Они стояли у дороги, и она смотрела на лужу, в которой отражался светофор и огни.

— Почему?

— Я не совсем принадлежу этому миру. Больше не принадлежу.

Человечек замигал зелёным, и Луиза двинулась вместе с толпой, Анубис ещё пару мгновений смотрел ей в спину, потом поспешил следом.

В воздухе витала осенняя морось, оседала на волосах и одежде. Пропитывала пространство лифта, пока они поднимались.

В квартире Сета горьковато пахло полынным дымом, значит, Нефтида точно дома и жгла какие-то травы. С кухни раздавались приглушённые голоса, но Анубис не вслушивался. Амон пока остался здесь, Гор тоже часто заходил. Отдельная гостевая комната пустовала, чтобы хранить Врата в Подземный мир, через которые проходили Гадес и Персефона.

Через них наверняка днём пришла Луиза. И уйдёт обратно?

За тысячи лет Сет и Нефтида сменили множество домов, хотя чем-то они неуловимо походили друг на друга, будь это глинобитное строение, заносимое песками пустыни, или викторианская гостиная, полная тяжёлых тканей, с кричащим попугаем в золотёной клетке.

Везде и всегда они оставляли одну комнату пустой — для Анубиса. Поэтому, когда Осирис отпустил его из царства мертвецов, он знал, что может прийти. Чаще всего так и делал.

Комнату он предпочёл небольшую: окно напротив двери, прямо под ним широкая кровать. Уютная спальня с плакатами и кактусом на подоконнике, который не засох благодаря усилиям Нефтиды.

По сторонам от кровати стояли высокие тонкие лампы, светившие холодным неоном. Над окном висела гирлянда из звёзд, тёплая и уютная. Луиза аккуратно подвинула одеяло и села на кровать поверх него. Анубису сразу стало стыдно, что постель не прибрана, но гостей он не ждал.

Интересно, Луиза вспоминает, что они делали здесь? Её лицо ничего не выражало, и свет от гирлянд и ламп причудливо ложился на него, подчёркивая тени.

Анубис остался стоять, прислонившись спиной к стене. Он не знал, что сказать.

— Так как ты? На самом деле.

Она пожала плечами:

— Словно меня выдернули из тела, а теперь впихнули обратно, но собственная кожа теперь не по размеру. Я не понимаю, что здесь делать. Как будто я мертва.

— Прости, — это слово мало что выражало, но хотя бы попытаться. — Я не должен был возвращать тебя.

— Не должен был. Мёртвое должно оставаться мёртвым. Иначе становится таким... как я. Живым мертвецом.

Луиза помолчала, провела рукой по одеялу:

— Ты знаешь, что когда я умерла, моя душа должна была попасть в Дуат?

— Да. Поэтому смог позвать тебя.

— Почему не отпустил в свой мир?

— Не мог позволить тебе умереть. Это было эгоистично, — прошептал Анубис, опуская голову.

— Да.

Она поднялась бесшумно. Приблизилась и кончиками пальцев заставила посмотреть на её лицо. Бесстрастное и непроницаемое. Когда-то Луиза насылала на Анубиса хорошие сны, чтобы он не мучился от кошмаров. А он воскресил её, когда она умерла.

Нет, поправил он себя. Позвал обратно её часть. Теперь она не принадлежит ни тому миру, ни этому.

И виноват только он.

Луиза приподнялась, её губы коснулись губ Анубиса. Почти как при жизни, но теперь от них веяло холодом. Не тем морозным ощущением осени, что стояла за окном, а отсутствием тепла. Нежизнью.

Терпкая нежность быстро сменилась чем-то другим, яростным, всепоглощающим. Анубис ощутил, как вдоль его рук взметнулись мертвецы, зашевелились.

Почувствовали, как Луиза тянет из Анубиса то, чего ей так не хватает — жизнь.

Тонкие струйки его божественной сущности, не силы, а именно жизни, энергии. Внутрь Анубиса запустили руку и пересчитывали его рёбра изнутри.

Луиза не хотела его уничтожать. Она жаждала всего лишь ощутить себя живой.

В ушах звенело, даже мертвецы перестали чувствовать. Анубис слышал, как в комнату кто-то настойчиво стучал. Перед глазами плыло, и слабость накатывала, грозя захлестнуть, но Анубис не отстранялся. Он позволял Луизе щедро черпать его собственные силы.

В конце концов, это его вина, что они ей требуются.

Это стало последней мыслью, прежде чем Анубис соскользнул во тьму.

Он очнулся на собственной кровати. Голова слегка гудела, и Анубис приподнялся. Огоньки и лампы ещё светили, он был в той же одежде.

Потерев глаза, глянул за окно: небо над крышами светлело.

Анубис не ощущал себя ни выспавшимся, ни отдохнувшим. Он почти сполз с кровати и приоткрыл

дверь. К его удивлению, кто-то уже не спал, с кухни раздавались голоса.

Пол холодил босые ступни, Анубис шагал бесшумно, а увидеть его было нельзя, пока он не появится на пороге. Но он застыл не доходя, потому что узнал голоса Сета и Гадеса, и говорили о нём. Хотя бы частично.

— Она хотела забрать жизненные силы Инпу.

— Бывало и хуже. Выспится.

— Да, но это проблема. Ты знал, что такое вообще возможно?

— Никто не знал.

— Может, ей стоит посидеть в Подземном мире, пока не разберёмся?

— Может, ещё на цепь посадить? У меня Цербер без поводка бегаёт!

Анубис никогда не слышал, чтобы Гадес и Сет ссорились. Но сейчас в голосах обоих отчётливо слышался яростный рокот песка и сдерживаемое ворчание тысяч мертвецов.

— Извини, но мы не можем бросить всё на самотёк, как сделал... — Сет осёкся. — Как Зевс.

— Как я, — поправил Гадес. — Именно поэтому я не могу её ограничивать. Иначе она опять исчезнет и проблем станет ещё больше. Но я попробую помочь ей. А тебе нужно поговорить с Анубисом.

— О чём?

— Он мог сдерживать её. Оттолкнуть. Но он этого не сделал. И это тоже проблема.

Анубису не требовались специальные проходы, он проникал в Дуат из любой точки. Поэтому шагнул назад, мгновенно соскальзывая в другую реальность, которая принадлежала ему.

Царства мёртвых были разными. У Гадеса за ленивым Стиксом возвышались каменные башни го-

рода, утопающие в фиолетовых искрах. Дуат оставался постоянными дорогами.

И он, будто верный пёс, откликался на мысли и желания хозяина.

Поэтому Анубис оказался в осеннем лесу. Меж полуголых деревьев с остатками рыжей листвы тянулся туман. Мокрая земля пружинила влажным ковром, и Анубис пожалел, что не успел надеть ботинки.

Он в задумчивости тронул ветви ближайшего дерева, и они качнулись, роняя высохшие листья. Анубис улёгся прямо на землю, спиной чувствуя её влагу. Он был в футболке и джинсах, так что по рукам тут же прошла дрожь, но он не обратил внимания.

Тянуло влагой и болотом, царила неестественная тишина. Не поднимаясь, Анубис залез рукой в карман и с удовлетворением нащупал смятую пачку сигарет. По возможности выпрямил одну и зажёл с третьей или четвёртой попытки.

Дым путался в ветвях и устремлялся к небу, которого здесь попросту не было. Иллюзия, низкие плотные облака.

Неопределённое время и три сигареты спустя Анубис подумывал о том, чтобы вернуться или хотя бы подняться, пока окончательно не продрог, когда почувствовал, что недалеко появился Гор, и услышал ругательства в стороне.

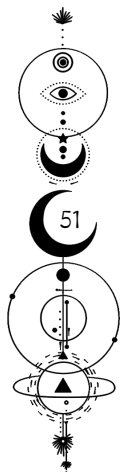
Брат не мог ощущать, где именно находится Анубис, но сам Дуат считал нужным их соединять. Как и на этот раз.

Первым в поле зрения Анубиса показался Амон. Он наклонился, прищурившись:

— Прохлаждаешься?

— А ты что тут делаешь? — искренне удивился Анубис.

Он сел на земле, ощущая, как листья налипли на спину. Амон заявил:

— Мы не нашли тебя в комнате, и Гор предположил, ты в Дуате. Если помнишь, твой брат тоже может сюда перемещаться. И прихватил меня за компанию.

— Помню, — буркнул Анубис.

Гор молча протянул ему руку, помогая подняться, небрежно отряхнул листья со спины. Амон оглядывался вокруг:

— Тут что, больше нет ничего, кроме леса?

В землях мёртвых его солнечная сила почти не ощущалась, лишь лёгкое, едва заметное покалывание. Но особых неудобств Амон не испытывал, по крайней мере, если не оставался тут надолго.

— О! А мне нравится ваш мир.

Амон первым направился к возникшей из ниоткуда кафешке. Анубис глянул на Гора, но тот пожал плечами. Оставалось гадать, на чьё желание так быстро ответил Дуат.

Любимое место братьев: маленькое помещение, справа длинная стойка со стульями, слева места со столиками. На первом же лежала красная клетчатая рубашка, которую Анубис надел, и его куртка, которую трогать не стал.

Амон уже унёсся к дальнему концу кафешки, где стоял телевизор и приставка:

— И во что вы тут играете?

— Смотрю, он полностью пришёл в себя, — вполголоса сказал Анубис.

— Посидел пару дней на солнце, — хмыкнул Гор. — Но я что-то уверен, его исчезновение мы ещё вспомним.

— Ты долбаный пессимист.

Проворчав, Анубис зашёл за стойку и нажал на кнопки приёмника, который тут играл исключительно Derezhe Mode. Наверняка из-за Гора, он любил такую музыку. Кофе не нашлось, зато были заборные молочные коктейли.

Анубис поставил два рядом с Амоном и Гором, но они уже увлеклись какой-то игрушкой, где пиксельные человечки били друг другу морды. Никто из них не спрашивал, что произошло, и Анубис этому радовался. Чуть позже он сам всё расскажет.

Себе он коктейль делать не стал. Зевнув, улёгся на место за одним из столиков и накрылся курткой. Пришлось свернуться, зато сразу ощутилось тепло, а музыка не мешала, убаюкивала.

Хотя проспал Анубис недолго. Вроде едва задремал, когда что-то выдернуло его из сна. Нехорошее ощущение. Он поднялся, поведя плечами, куртка съехала. Амона и Гора не было, лежали джойстики да пустые стаканы из-под коктейлей.

Скинув куртку, Анубис вышел на улицу.

Амон был летним мальчиком, с насмешливо прищуренными глазами и вихрами, выжженными солнцем. Гор же больше походил на осень: тепло в волосах и бледная кожа первых заморозков.

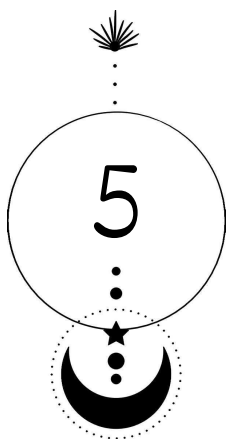
Испуганный Амон стоял рядом с Гором, а тот на коленях на мокрой земле, и его выворачивало на слезавшиеся пожухлые листья. Молочным коктейлем и, кажется, всем, что он съел за долгую жизнь.

Именно здесь и сейчас Анубис ощутил то, о чём ещё давно говорила Персефона, остро чувствующая жизнь и смерть. Может, потому, что Гору становилось хуже или в Дуате ощущалось ярче. Но его сила бога оставалась прежней, а вот сущность разрушалась, жизнь утекала тоненькой струйкой.

Совсем не похоже на то, что сделала Луиза, короткий рывок, от которого усталость, но не более того.

Жизнь Гора вытекала постоянно, сочилась вовне и однажды иссякнет полностью.

Амон уже видел Луизу, так что рассказ Анубиса не удивил.

Вместе с Эбби он напросился в гости к Гадесу. Тот проворчал, что Амон может быть ужасно навязчив, когда хочет, но провёл экскурсию по Подземному миру. Делал это явно с удовольствием, а Эбби искренне удивлялась.

Время там, как и в Дуате, смазывалось, текло иначе, но прошло не меньше нескольких часов, когда Амону окончательно надоело. Не то чтобы он не любил узкие улочки и высокие башни... но когда взбираешься на очередную сотню ступенек, то начинаешь проклинать Подземный мир, который рос, кажется, вверх.

В итоге Амон оставил восторгающуюся Эбби с Гадесом и улизнул к Персефоне. Она вышла из оранжереи, кинула на стол у стены испачканные землёй перчатки и убрала выбившуюся рыжую прядь. Уселась в лёгкое плетёное кресло — они с Амоном устроились на одной из веранд, откуда открывался чудесный вид на очередные башенки и узкие городские улочки. Иногда Амон думал, что Гадес старо-

моден: его мир походил на огромный средневековый город.

— Мама любит асфоделевые поля у Стикса, — усмехнулась Персефона, проследив за взглядом Амона.

— О, она что-то здесь любит?

— Пытается. Ещё считает, что я не права, раз хочу тут жить.

— Зато уже поняла, что Гадес не уволакивал тебя силой.

— Хочешь сказать, ещё пара тысяч лет, и она смирится?

Амон полагал, Деметра не смирится никогда, но предпочёл держать это при себе и не лезть в дела чужого пантеона.

У Персефоны он тоже замечал косые взгляды, она исподтишка рассматривала Амона. Присматривала. Словно хотела убедиться, что он в норме и сияет. Точно такие же были у Нефтиды, и она тоже ничего не говорила напрямую.

Амона это дико раздражало, и он легонько выпускал свою мягкую, окутывающую силу, чтобы показать её.

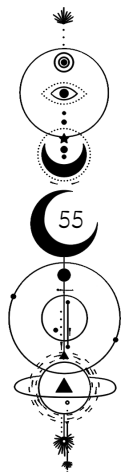
Может, его бесило, что они обе правы, он ощущал себя не совсем так, как раньше. Но у этого не было физических проявлений. Обычный страх, что солнце может снова погаснуть.

Бояться Амон не привык. Поэтому быстро перевёл тему, расспрашивая о делах в Подземном мире. И, конечно, о Луизе.

— Она немного пугает, — признала Персефона. — Зато они сблизились с Гадесом в последнее время.

Чуть позже, когда Эбби с Гадесом ещё не вернулись, Амон учил Персефону словесным играм, когда в комнату вошла Луиза.

«Немного пугает», с точки зрения Амона, были очень слабыми словами. Луиза напоминала о старом

чёрно-белом фильме «Я гуляла с зомби», глыбе льда и монстре Франкенштейна, причём разом. Он понимал, что преувеличивает, но ничего не мог с собой поделать.

Через пару минут, пока Персефона общалась с Луизой, Амон смог понять, что именно привело его в такой ужас. В конце концов, Луиза и раньше была спокойной и уравновешенной, а если теперь она не улыбалась, то что с того?

Но от неё несло не холодом. Скорее уж, чёрной дырой. Чем-то, что может поглощать тепло, свет, но не возвращать обратно, не создавать самой.

Слушая Анубиса в кафешке Дуата, Амон не мог не вспомнить Луизу, которую видел. В рассказе Анубиса она казалась почти прежней, чуть более молчаливой и холодной.

Амон не сомневался, что именно так Анубис её и воспринимал. То ли потому что сам был богом смерти, не так ощущал эту бездну... то ли потому что не хотел видеть этого в Луизе. Её сознание ведь не изменилось.

— Ей не хватает энергии, — сказал тогда Амон. — Её душа вернулась не полностью, ей нужна подпитка чужой жизнью. Или конкретно твоей.

До этого никто не возвращал мертвецов, так что опыта у Амона не было, но он ощущал чёрную дыру внутри Луизы. Ей нужна энергия, чтобы чувствовать себя прежней. Но ей вечно будет не хватать: невозможно чужой жизнью достроить часть своей души.

Анубис упрямо ответил:

— Она не взяла много.

Он и Гор сидели за пластиковым столиком, друг напротив друга, Амон стоял перед ними, облокотившись на стойку. Он не заметил момента, когда перед братьями появилась зажжённая свечка в виде

тыквы, а лес за окном потемнел. Тут не существовало дня и ночи, значит, Дуат отозвался на желание кого-то из них.

Гор едва заметно хмурился, сцепив руки на столешнице.

— Почему ты не говоришь всего?

Анубис в удивлении вскинул брови, ожидая продолжения.

— Ты же знаешь, — сказал Гор. — Она не богиня, поэтому не исчезла бы, как мы. Но и не человек. Луиза не смогла бы существовать в загробном мире. Любом из них. Лишь часть её души. Она стала бы такой же тенью, но на дорогах Дуата.

Амон знал, что это правда. У них в пантеоне не было Зевса, который много раз делал детей со смертными, но как-то у Тота появился сын от обычной женщины. Милый мальчик, который решил стать воином. Он умер лет через триста от ранения. Смерть его была долгой и мучительной, поэтому Тот попросил Амона позвать Анубиса, чтобы облегчить переход.

Так и вышло. Но Анубис не смог провести душу в какое бы то ни было посмертие: бóльшая часть сущности сразу исчезла, как бывало у богов, а остаток тенью соскользнул в мир мёртвых.

Луизу ждала та же участь. Может, поэтому она и не вернулась полностью — нечему возвращаться, со смертью её физического тела та часть исчезла безвозвратно.

— То, что умерло, должно оставаться мёртвым, — слова Анубиса звучали печально. — Это закон. Я не должен был возвращать её без разрешения. Ей плохо.

Гор фыркнул, скрестив руки на груди:

— А что ты должен был сделать? Эй, Луиза, не желаешь ли вернуться? Ну, не факт, что целиком. Если ей так не нравится, она может умереть. Но

вместо того, чтобы прыгать с крыши, пришла к тебе, попробовать немножко чужой жизни. У вампиров тоже есть выбор.

— А что насчёт тебя? Куда исчезает твоя жизненная энергия? Почти так же, как делала Луиза. Может, у тебя свой вампир?

— Не говори ерунды. Я не дарю энергию какой-то девице, которая не может оценить, что ей не дали умереть.

— Ой, да не взяла она много.

— Достаточно! Я не для того...

Гор осёкся, и Анубис подозрительно прищурился. Он даже подался вперёд:

— Что? Договаривай.

— Ничего. Давай возвращаться.

— Нет уж! Говори, что тебе известно! Ты что-то знаешь о том, почему умираешь. Дело не только в Кроносе?

— Отстань.

Анубис с силой хлопнул ладонью по столу и в раздражении поднялся. Амон благоразумно отодвинулся в сторону: обычно такие бурные эмоции у Сета, но здесь Анубис явно злился. И наверняка боялся за Гора.

Перестав ходить между столиками, он обернулся к Амону:

— Заставь его!

Амон — глава пантеона. Он может приказать, хоть и не любит этим пользоваться. Но уж в данный момент точно не собирался.

— Успокойся, Инпу...

Амон глянул на хмурого Гора, который сидел, скрестив руки на груди и уставившись на свечку на столе. Наверняка это он захотел осенних сумерек.

— Давайте вернёмся к остальным, — проворчал Амон. — Инпу, тебе стоит успокоиться. Гор, а тебе точно всё рассказать. Но приказывать я не буду.